

Подарок для сторожа

Вместе с Успением отошёл и август. Сентябрь стремился к своей середине. Село Езеро не шумело летними улицами. Неожиданно как-то в один день стало тихо: дачники разъехались, а школьники сели за парты. Пожухлые с золотистой «проседью» деревья печально шелестели, как будто прощались друг с другом, прощались с людьми... По реке Гайне проплывали «водяные звёзды» — осенние листья. После дачников остались ровные прополотые грядки да осиротевшие домашние животные. Кто такой сирота? Это — нищий, потому что ничей. Бездомный, ничейный пёс или кошка — как не сирота? Что ж, немногие решатся в свою городскую квартиру поселить заматеревшего в драках деревенского кота. Даже если по весне он был милым пушистым котёночком. Или долговязую, лопоухую дворнягу, в которую превратился смыслёный щенок...

Осиротевший четырёхлапый народец выживал кто как мог. Котам выживать было проще: кто в соседнее село ушёл, где людей побольше и есть молочная ферма, кто в заброшенном доме поселился, куда приходили греться мыши с заснеженных полей. Безымянные дворняги встречали каждую электричку, кто-то прибывался к магазину, а кто-то — ушёл в леса. Каждую осень множилась бы эта доверчивая армия, если бы не проезжал по селу фургон с решётками, который увозил несчастных сирот неведомо куда. В такие дни человек с добрым сердцем пил валерьяновые капли. А знаменитый «деревенский айболит» Михаил Родионович, дедушка Илюши, старался уехать в город в ветеринарную аптеку или сходить к соседу поиграть в шахматы. Как настоящий доктор, он всем хотел помочь. А чем он мог помочь бездомным животным?

Если бы у Илюши спросили, чем пахнет ранний сентябрь, он бы не задумываясь ответил: сентябрь пахнет дымком костра, печёной картошкой, арбузной коркой, спелыми яблоками в плетёных корзинах, ветхим погребом, солёным огурчиком, сушёными боровиками, а ещё — больницей. Сейчас в больнице лежал его брат-христианин — дядя Силич. От дяди Силича пахло йодом, корвалолом, хлоркой и бурым больничным борщом с белым пятнышком сметаны посредине миски.

— Такой борщ, Илюшка, я не заслужил, — говорил дядя Силич, активно работая ложкой. — Ох, не заслужил! За такой борщ, брат Илька, мне ещё работать и работать. И я благодарен за этот свежий борщ и за вчерашние щи!

Илюше было боязно смотреть на заклеенный пластырем лоб дяди Силича. Боязно смотреть, но интересно думать: как под пластырем заживает рана? На коленках Илюши тоже появлялись раны и синяки, но они заживали быстро. Илюша знал главное: надо, чтобы появилась корочка.

— У тебя появилась корочка? — спрашивал Илюша, уплетая Силичеву булочку с полдника.

— Появилась! Только корочка — это у детей, а у меня — кора, — дядя Силич легонько постучал Илюшиным кулачком по больной голове. — Но главное, Илюша, — это не кора, а то, что под корой. А знаешь, что под корой бывает?

— Кора бывает у деревьев, — отвечал Илюша. — А под корой — клён, берёза, дуб... разные деревья...

— Вот именно, что дуб! В этом ты, Илюша, вроде прав, как всегда, — отчего-то смеялся дядя и глубоко вздыхал. — Дуб дубом! Что дуб, что берёза — одна беда.

Когда Илюша прощался с дядей, то старался успокоить старика его же добрым словом:

— Ничего, дядя-брат, до свадьбы заживёт!

— А ты приглашаешь меня на свадьбу, Илюшка?

Илюша улыбался и думал — ну какая у него может быть свадьба! Он же не жених и невеста, а просто мальчик! Ему ещё и в школе, и в милицейской академии надо учиться. А жениться некогда!

После ограбления храма отец Иоанн понял, что такими людьми, как Даниил Прокофьевич Силич, бросаться нельзя. В деревне таких людей, как Силич, раз-два и обчёлся. Кто ещё, кроме мечтательного пенсионера, пойдёт к нему в сторожа? Никто не пойдёт. Илюша бы пошёл, но ему пока ещё надо соблюдать режим и слушаться родителей. Родители, конечно, скорее всего, не разрешат Илюше ночью сторожить храм. А вор ночью не дремлет. Вор только и ждёт, когда наступит ночь. И тогда он ходит и думает: как бы что-нибудь украсть под покровом ночи?

Отец Иоанн в первую после ограбления ночь остался ночевать в храме. Он не спал, думал до утра и придумал. Утро вечера мудренее, кто с этим поспорит? Об этом ещё в сказках сказано. На заре батюшка пересчитал деньги в церковной казне. Пересчитал — и позвонил надёжным строителям. Строители только что закончили возводить деревянный храм в соседнем селе. Сразу после звонка работяги приехали, явились, как добры молодцы из чудо-сундучка — рослые, загорелые, весёлые... За три дня, с молитвой и с песнями, они справились с поставленной задачей. Угостив Илюшу на прощанье печёной картошкой и шоколадкой «от зайчика», укатали молодцы на другой объект.

А в свежих досках, оставшихся после строительства, незнакомая дворняга свила гнёздышко и вывела шестерых разномастных щенков. Но об этом ещё никто не знал: сторожа-то при храме не было! Сторож в больнице лечил свою раненую голову! Дни шли за днями. А щеночки подрастали беспризорными, ведь никто не догадывался заглянуть под куст сирени, на котором от ветра шелестели семена. Никому и в голову не приходило осматривать куст и то, что было вокруг него.

Отец Иоанн приходил к Даниилу Прокофьевичу каждое утро. Он пособоровал и причастил сторожа прямо в больничной палате. А после Причастия похлопал дядю Силича по плечу, трижды поцеловал его в пахнувшие йодом щёки и торжественно сообщил:

— Поправляйтесь скорее, я вам приготовил сюрприз!

— Вы с сюрпризами тут не шутите, уважаемый батюшка! — сильно заволновался дядя Силич. — Только не отправляйте меня на пенсию! — Силич путался в больничной пижаме большого размера: он поспешал за священником, убегающим коридором больничного отделения на требы. Батюшка, как всегда, торопился.

— Слышите? — кричал вдогонку Силич. — Я ещё хоть куда! Я ещё вам таких воров наловлю! Крупных и вертлявых!

— Бегать за мной вам пока нельзя, Даниил Прокофьевич! А уж о пенсии, мой милый, забудьте! — оглянулся отец Иоанн, улыбаясь в рыжую бороду. — Будем работать, дорогой Даниил Прокофьевич! Я без вас как без рук и без ног! Я сам за вами буду бегать, если вы не собираетесь храм сторожить!

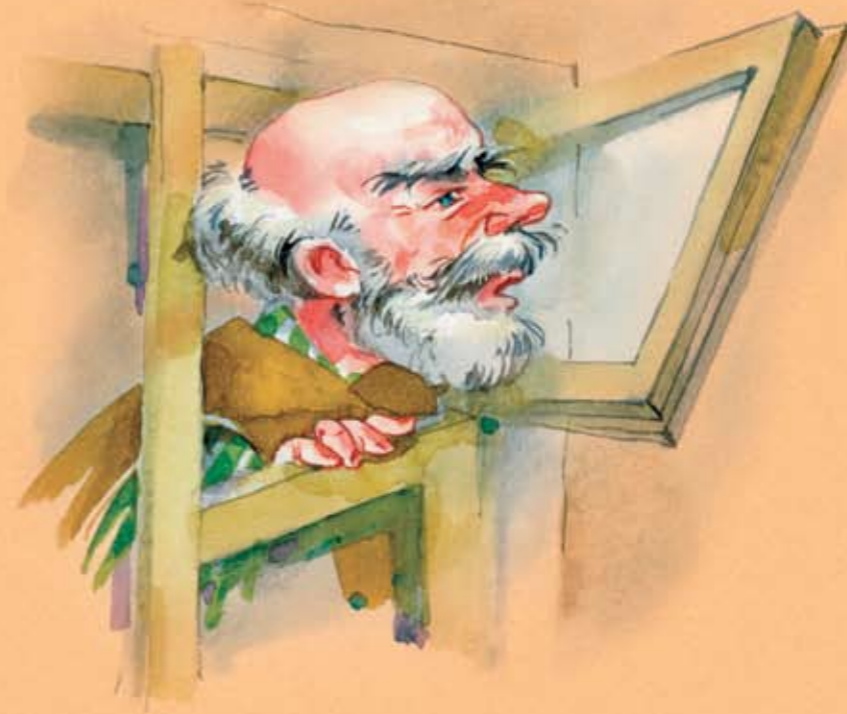
— И ни-ка-ких сюрпризов, слышите? — кричал дядя Силич, выглядывая в форточку первого этажа, как скворушка из скворечника.

— Простудитесь! — увещевал батюшка и сел на велосипед.

— Я вам не дитё! — отвечал дядя Силич и хлопал форточкой.

А ночью он не спал, а думал. Думал о том, что — чудно. Вроде отец Иоанн ему как отец, а по годам — так получается сын. И жалко было ему батюшку — дел много, паства его ждёт, а он к нему, старому, приезжать время находит. А что он ел сегодня на обед? Был ли у него борщ со сметаной, как у Силича? А на десерт чем его матушка потчевала? Ведь батюшка любит сладенькое, совсем как солдат-первогодка...

«Какой такой сюрприз приготовил мне отец Иоанн? — размышлял Силич в ночной больничной тишине и отщипывал

крошки от «ромовой бабы», которую принёс батюшка. — Может, он достал гремучую змею для деревенского цирка? Или купил мне на фуфайку фликеры, чтоб я светился в темноте и устрашал воров?» Силич ворочался с боку на бок и кряхтел, беспокоя своего соседа — молодого мотоциклиста со сломанным носом.

Сюрпризом стала церковная сторожка — утеплённый домик из свежеструганых досок, с крышей, покрытой шифером, с ровненькими, покрашенными масляной краской половицами, с наличниками на окнах, расписанными васильками, даже с крестом и маленьким куполом на коньке. В этом тереме-теремке белела настоящая печурка, важно высился директорский стол, списанный из клуба, прижимались к стенам две широкие лавки. На лавках можно было и поспать, если их составить вместе и положить матрас. Полосатый матрас, набитый свежим сеном, лениво стоял у стены. Матрас привезла на велосипеде тётушка Юрыдыка. В красном углу пред иконой Пресвятой Богородицы, украшенной рушником, светилась синяя лампадка.

Иконы Илюша знал. У мамы и бабушки их много. Особенно он любил угадывать иконы Богородицы, когда мама вытирала с них пыль, а Илюша — помогал.

— Это какая иконка? — мама подавала ему протертый образ и брала с полки следующий. Илюша присматривался.

— Эта, со стопочкой, — Почаевская! — радостно узнавал он.

И продолжалось узнавание икон, как близких, родных людей.

— Эта, с тремя ручками, — Богородица «Троеручица»! Внимательная... Казанская! Не очень внимательная... «Умиление»! С кровью на щёчке — Иверская... На троне — «Всецарица». А с цветком — это «Неувядаемый Цвет».

— Молодец, сынок! Знаешь! Повторяй — не забывай, — говорила мама и улыбалась.

В иконе на дереве, пред которой на коленях стояли два пастушка, Илюша сразу узнал Жировицкую.

Двери открылись, вошёл дядя Силич, да так и ахнул:

— Вот это да! А нужно ли мне теперь покосившееся жилище с вогнутой в комнату крышей?

Силич переселился в сторожку, прихватив с собой только пинчеров с одним именем на двоих. Звали каждую Жужу́.

Вокруг нового дома дяди Силича закипела жизнь, и стали происходить удивительные события, о которых вы вскоре узнаете.

Советы доктора Силича

Престарелый дом дяди Силича, наверно, скучал по хозяину и его живности. Дом смотрел на дорогу грустными глазами невымытых окон и ждал: не идёт ли Силич, а может быть, он едет на велосипеде, в клубах дорожной пыли? Не бежит ли какая Жужу́? Когда Силич навевывался, радовались оба — и он, и дом. Теперь Силич понимал, что такое ностальгия. А мелкие Жужутки радовались всегда, когда было хорошо их хозяину.

— Ностальгия, брат Илька, ого, ностальгия — это... — Даниил Прокофьевич со значением указывал пальцем в тощую стариковскую грудь.

— Ностальгия — это рубаха такая жёлтая, да? — спрашивал Илька, рассматривая белые перламутровые пуговицы на рубашке Силича. — Праздничная рубаха?

— Сам ты рубаха, парень... — дядя Силич теперь показывал пальцем в небо. — Это — душа, душевная болезнь, тягота по родному кутку. «Бурлаки на Волге» видел картину? Вот так и тянет, так и зовёт домой... Снилось мне в больнице, брат Илька, трава у дома моего...

— И река Волга снилась, да? — спрашивал Илюша. И звонко, радостно смеялся: — Ух, как тут пахнет свеженькими досочками! Когда я вырасту, я тоже буду в сторожке жить!